

Александр ФЁДОРОВ
(г. Новосибирск)
**«НАША ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА –
ЭТО БОЛЬШАЯ ЗАГАДКА!»**

□□□□ В преддверии Дня Победы мы публикуем воспоминания профессора Новосибирского госуниверситета, г.н.с. Института филологии СО РАН Александра Ильича Фёдорова, который во время войны был воздушным стрелком, старшиной 22-й гвардейской дивизии Aviации дальнего действия. Он награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда».

В первых послевоенных фильмах наших изображали героями, а немцев – дурачками, хотя, если судить по оснащённости и подготовке бойцов, этот образ больше подходил советской стороне. Я был пятым по счёту стрелком-смертником <в этом экипаже>. Немецкие истребители умели стрелять с 1000÷800 м, они убивали стрелка-радиста, а потом подходили вплотную и расстреливали наши самолёты. Наша авиация была не готова к бою, а вся тренировка заключалась в обучении режимам полёта, взлёта и посадки. Убойная сила нашего пулемёта ШКАС ¹ составляла всего 300м. Из-за его низкой скорострельности между выстрелами возникали большие задержки <в очереди>, а в воздушном бою это равносильно гибели.

Но и с такой техникой надо было выходить на цель.

Для этого ведущий экипаж, обычно наш, сбрасывал над целью светящиеся авиабомбы, и тогда издали нам было видно, что там происходит. Немцы светили в воздух мощными прожекторами. Как только советский самолёт попадал в их луч, они открывали огонь, и от него оставался только падающий вертикальный огненный столб. От прямой атаки наш штурман умел уходить в сторону, где стреляли меньше, там мы бросали бомбы и резким снижением уходили из зоны обстрела. Наш командир – Герой

Советского Союза Иван Гармыш был человеком разумным, дорожил своим экипажем и позволял нам уходить от страшного зенитного огня. Зато комиссар, который сам-то даже не летал никогда, всё время обвинял нас в трусости. Советская бравада сильно вредила делу как на высшем уровне, так и на местах. Ведь чтобы защитить Родину, разумнее всего остаться в живых, а не пасть смертью храбрых.

Наши потери в воздушных боях были в пять раз выше, чем у немцев.

Для сравнения: лучшие пилоты-истребители Александр Покрышкин и Иван Кожедуб каждый сбили более полусотни вражеских самолетов, а немец Эрих Хартман – 352 наших [и союзников – админ]. На советских У-2 не было вообще никакого оружия, с них вручную сбрасывали бомбы из кабины самолёта на немецкие землянки, и сбить их не представляло для немцев никаких проблем.

Лозунги советской авиации «летать выше всех и дальше всех» были сплошной бравадой. Чаще всего наши стрелки имели за плечами образование не больше 7-8 классов. Конечно, нельзя было посылать на войну совсем не обстрелянных парней. Когда твой самолёт подбили, можно прыгать с парашютом, только если машина уже горит, и нет никакой возможности её спасти. В противном случае ответишь головой – всех струсивших направляли в штрафную роту, где они обычно погибали. А в то время, как сотнями тысяч гибли неопытные советские солдаты, наше правительство искало врагов народа и проводило массовые расстрелы среди своих.

Победа нашей страны в Великой Отечественной войне – это большая загадка!

В боях под Сталинградом наш полк был разбит – оставалось всего несколько машин, которые надо было перебазировать на другой берег Волги на плотках. Весь город горел, а немцы с бреющего полёта расстреливали раненых, которых пытались перевозить через широкую реку на мелких пароходах. Те бросались в воду и тонули, а мы ничем не могли им помочь. В учебниках пишут, что в тот день погибло 43 тысячи жителей, но число жертв гораздо больше, ведь там были не только жители города – к Сталинграду отступали с Украины и с Запада России.

А когда мы увидели, как под Сталинградом расстреливали с самолёта отступающих женщин и скот, который они гнали с собой, то почувствовали горькую безысходность и истинно звериную ненависть к немцам.

Один из наших от бессилия и злобы стал стрелять по немецким истребителям из своего пистолетика. Какой-то мужичок из рабочих пристыдил его:

— Вы должны быть в небе, что вы тут делаете?

А что нам было делать? Думаю, что все эти чувства во время войны испытывали не только разбитые немцами авиаторы – первые годы войны наши силы были несравнимы с вражескими.

Война учила нас беспощадности. Когда мы бомбили немецкое отступление по дороге Бреслау – Берлин, там вместе с солдатами ехали и мирные люди на колясках, и наш радист отказался по ним стрелять. Тогда командир выругал его матом и приказал стрелять мне. Очень тяжело и неприятно потом было вспоминать об этом, но немцы поступали гораздо хуже. Когда нас подорвали на Пулковских высотах, я два дня был в Ленинграде и видел там людей, похожих на тени. Авиаторов кормили неплохо, и мы раздавали хлеб оставшимся в живых мирным жителям, которые голодали, поэтому, куда бы мы ни прилетели, нас всегда ждали местные.

— Дядько Сашко, хлиба у мамы нема, — встречал меня мальчонка в украинской деревне.

Такая же ситуация была везде по России.

Да! Победа нашей страны в Великой Отечественной войне – это большая загадка!

Уже в мирное время я с грустью наблюдал за дальнейшей судьбой некоторых самых лучших. Уже в мирное время я с грустью наблюдал за дальнейшей судьбой некоторых самых лучших людей из нашего полка – командиров, штурманов, пилотов.

Жизнь, что была уготована им по возвращении на Родину, которую они освободили от германских захватчиков, для некоторых из них стала сложнее пройденной ими войны.

Победители оказались не у дел. Штурман Данил Иванович Нагорный, сибиряк из Ишима был крупной фигурой в авиации, майором, а дома для него нашлась лишь унижительная работа вахтёра. Однажды он крепко напился, да и замерз насмерть. Своему командиру, Герою Советского Союза, который тяжело болел после полученных травм, я высылал деньги на дорогие импортные лекарства – его ничтожной пенсии на них не хватало. А ведь если бы не он, едва ли я и другие члены нашего экипажа вернулись бы с войны живыми.

---

¹ Пулемёт ШКАС – Шпитального-Комарицкого авиационный скорострельный.